

Лэмб Гарольд

**Феодора
Циркачка на троне**

УДК 820
ББК 84(7Сое)
Л92

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Лэмб Гарольд
Л92 **Феодора. Циркачка на троне / Пер. с англ.**
Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Изд-во Центр-
полиграф, 2002. — 413 с.

ISBN 978-5-521-85541-4

Оригинальное беллетризованное жизнеописание константинопольской циркачки, ставшей великой императрицей, и пастуха, принявшего императорскую власть из рук бездетного родственника. В книге воссозданы реалии Византии эпохи реформ Юстиниана Великого, на фоне которых разворачивается история любви порфиноносной четы.

УДК 820
ББК 84(7Сое)

- © Перевод, ЗАО «Издательство
«Центрполиграф», 2002
- © Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
«Центрполиграф», 2002

ISBN 978-5-521-85541-4

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЮСТИНИАН, император.

ФЕОДОРА, императрица.

ПРОКОПИЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ, историк.

БЕЛИЗАРИЙ, солдат.

АНТОНИНА, его жена, актриса.

ИОАНН ИЗ КАППАДОКИИ, экономист.

НАРСЕС, евнух и слуга.

ТРЕБОНИЙ, юрист.

АНФЕМИЙ ИЗ ТРАЛЛ, архитектор.

СВЯТОЙ БЕНЕДИКТ из Монте-Кассино.

Тот, кто надевает царскую мантию,
нелегко отказывается от нее.

Феодора — императрица Византии

Глава 1

ДВОРЕЦ У ЦИРКА

Сначала видны лишь размытые очертания человеческой фигуры, спускающейся с гор. Петр Саббатий неторопливо идет по берегу быстрого Вардара к морю.

Петру Саббатию, должно быть, лет восемнадцать, но он всегда выглядел старше своего возраста. У этого варвара, выросшего в горной деревушке, дружелюбные серые глаза, длинные косматые волосы и искреннее стремление услужить другим. Его круглое румяное лицо и высокая, несколько нескладная фигура так и светились здоровьем, но в них не было и тени изящества. Теперь этот крестьянский сын, направлявшийся в город в надежде получить образование, вел смиренного мула с навьюченными на животном одеждой, книгами по юриспруденции и учениями отцов церкви.

Кто-то заметил, что Петр Саббатий верил всему, что говорил себе сам, а это было так необычно

в то смутное время. С собой юноша вез письмо от дяди Юстина, прибывшего в Константинополь в одежде пастуха и с краюхой хлеба на дорогу уже после того, как гунны под предводительством Атилы совершили разбойный набег на земли в окрестностях долины Вардара. Судя по всему, Юстин проделал когда-то такой долгий путь по двум причинам: во-первых, после набега наступили тяжелые времена и, во-вторых, крестьян забирали в армию на смену германским наемникам.

По крайней мере, так сказал посыльный, вручивший письмо Петру. Само письмо, аккуратно начертанное на куске пергамента, гласило: «Привет сыну моей сестры Флавию Петру Саббатию в деревню Тауризиум, недалеко от Скупия на реке Вардар». Далее стояла простая подпись — Юстин. Однако посыльный купец, везущий восточные пряности, камфару и сандаловое дерево на продажу в города на Дунае, передал Петру то, что полуграмотный дядя не смог написать.

Этому уже почти позабытому всеми человеку исполнилось пятьдесят лет, а у него все еще не было законного наследника. После долгой службы на границе Юстин добился почетного поста командира личной стражи благословенного императора — выгодного и достойного для себя места. Поэтому он и решил воспользоваться своим счастьем, чтобы дать Петру городское образование. Ему, верному служаке, уже слишком поздно садиться за книги, а от сестры он узнал, что у Петра есть небывалая тяга к знаниям. Если молодой

человек преуспееет в науках, то Юстин позаботится о нем и подыщет ему достойное место. Если же нет, что ж, вреда все равно не будет. Передав Петру слова Юстина, торговец камфарой вручил ему подарок от дядюшки — пегого мула.

Мул не произвел должного впечатления на Петра. Мать уверила его, что Юстин, который ушел в город примерно в его возрасте, был чрезвычайно хитер, несмотря на отсутствие образования. Петр понял, что дяде понадобился молодой пытливый ум и человек, умеющий читать, чтобы помогать ему в новой денежной должности командира и судейского патриция. Мать также предупредила сына, что Юстин ни за что не расстался бы с пегим мулом, если бы не вознамерился получить взамен больше стоимости животного. А Петр больше всего на свете мечтал общаться с мастерами старой науки, свободно цитировать стихи Катулла о прекрасной девушке или оспаривать заявление Аристотеля о том, что высший человек движим лишь этикой. Нельзя сказать, что Петр хотел стать философом, то есть в античном понимании этого слова, человеком, любящим мудрость. Он слишком долго прожил на ферме. С оптимизмом самоучки он мечтал приобщиться к волшебному миру книжной науки в городе, чтобы в уединенной келье городского сада, поросшего роскошными деревьями, его слуги обращались бы к нему «господин» в знак уважения к ученому сану.

У речного истока на мощеной дороге стоял верстовой камень. Петр с волнением прочел цифру,

сообщившую ему о количестве шагов, оставшихся до Нового Рима — Константинополя, города императора Константина, в котором сходились все земные реки (так говорилось в путеводителе). Чтобы отметить выход на береговую дорогу, Петр поставил мула в конюшню, а своего мальчика-слугу отправил в дом у дороги, где торговали вином.

Вдали мерцала длинная темная полоса морской воды. Море тянулось до самого горизонта, и то тут, то там мелькал алый парус. Стоя под сводами беседки, Петр глядел на корабль, плывущий в сторону Константинополя. Рядом находились лошади с мокрыми от воды мордами, а люди на незнакомом наречии спорили о ценах на товары. Напротив беседки остановилась повозка, запряженная белыми мулами, с посеребренными бортами, украшенными блестящей золотой буквой «В». По пятам следовали вооруженные всадники — и это было странно, ведь из повозки вылез лишь бородатый варвар, который громовым голосом попросил пива. Вероятно, это германский наемник, сопровождающий на восток повозку прославленного Виталиана.

Заметив навьюченного мула, солдат с гривой желтых волос подошел к Петру, держа в руке стакан, и дружески расспросил его об имени, звании и месте назначения. Узнав, что тот в одиночку едет от самых северных гор, огромный командир захохотал и заметил, что только крестьяне путешествуют пешком, в его же повозке полно свободного места. Петр тоже рассмеялся, поскольку германец говорил на вульгарной латыни, проглатывая окончания.

— Юноша, — промолвил добряк, — привяжи мула к моей повозке, сам полезай внутрь, и мы быстро доберемся до нужного места, а заодно и поболтаем. Как тебе это?

Петр согласился, однако сказал, что тяжело нагруженный мул не сможет быстро передвигаться. Петру всегда доставляло удовольствие поболтать с людьми, и даже с этим готским воином с тяжелым мечом, который явно намеревался обобрать его после наступления темноты.

— Освободим мула от груза, и он побежит быстрее, — решил воин, прихлебывая из стакана.

Петр поблагодарил его и начал было отказываться, но тот уже допил пиво и кликнул своих провожатых, оставивших стаканы и бросившихся разгружать пегого мула.

— Не благодари меня! — взревел гот. — Смотри, как быстро он пойдет.

Не успел крестьянин и глазом моргнуть, как всадники вскочили на коней и тронулись в путь. Развеселившийся гот взгромоздился на сиденье с прощальным криком, и повозка тронулась в путь, уводя за собой пегого мула. Всадники скрылись за поворотом, даже не оглянувшись. Инстинктивно Петр бросился за ними. Его душил гнев. Но, увидев, что взоры всех присутствующих обращены на него, он остановился и побрел обратно к своим пожиткам. Не зная, как догнать вооруженных всадников и потребовать назад мула, он смирился с потерей и по дешевке продал свой громоздкий багаж, выручив за него несколько серебряных мо-

нет. Однако книги юный отрок оставил себе и дал их нести слуге, когда они вышли на главную дорогу. Петр хладнокровно размышлял про себя, что ему придется прошагать много нелегких километров, прежде чем впереди замаячат стены Константинополя.

Петр Саббатий совершал свое путешествие по берегу моря в 500 году от Рождества Христова. Согласно старому римскому календарю, это был 1254 год от основания Рима на холмах в болотистой местности над Тибром. Однако в течение последних веков другой, Западный Рим перестал быть властелином мира и управлялся Теодорихом и готами. В то же самое время на востоке расцветал Новый Рим — оплот культуры, который постоянно осаждался полчищами варваров, продолжая хранить величие былых поколений.

Мать говорила сыну, что этот год — поворотный в истории, так как пятьсот лет назад родился Спаситель, а еще через столько же лет должен наступить конец света, когда мертвые встанут из могил, а на земле воцарится власть дьявола.

Феодора родилась примерно в тот же переходный год. Рождение дочери у циркачки с Востока не привлекло ничьего внимания. Но когда девочке исполнилось пять лет, она предстала перед собранием мужского населения Константинополя.

Незадолго до начала скачек на ипподроме, когда все мужчины заняли свои места, чтобы обме-